

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

MARIE DES PASSIONS

Интриги Марии

Мария – королева интриг

Страсти по Марии

Жюльетта
БЕНЦОНИ

Страсти по Марии

Москва
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni
MARIE DES PASSIONS

Copyright © Plon, 2005

Перевод с французского *И. Крутичевой*
Художественное оформление *С. Ляха*

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Страсти по Марии / Жюльетта Бенцони ;
[пер. с фр. И. Ю. Крутичевой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2015. — 512 с. — (Жюльетта Бенцо-
ни. Королева французского романа).

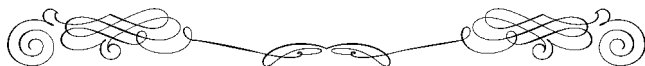
ISBN 978-5-699-85014-3

Мария де Шеврез — фрейлина французской ко-
ролевы Анны, жены Людовика XIII, — осталась в вос-
поминаниях современников женщиной безудерж-
ной в страстях и неумной в интригах, перед которой
не мог устоять ни один мужчина...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Крутичева И.,
перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-85014-3

Часть первая

Мария и кардинал

Глава I

Вернуться в Дампьер!

Всякий раз, вспоминая тот ужасный день по дороге в замок Верже, когда она уже было решила, что пробил ее последний час, она задавала себе один и тот же вопрос и не находила ответа. Что же с ней тогда произошло? Это было так не похоже на нее! Мария неожиданно для себя самой безропотно покорилась Божьей воле... И это она, которая все двадцать шесть лет своей жизни боролась с ней! Виной ли тому ее усталость после изнурительных недель, месяцев, в течение которых она держала в своих руках нити столь обширного заговора, что даже она сама не знала, сколь далеко он простирается? Или это странное равнодушие появилось после того, как этот заговор на ее глазах начал разваливаться и таять, как льдина весной? Или все дело в угрызениях совести? Ведь это она стала невольной причиной гибели несчастного Шале, чья ужасная смерть до сих пор снилась ей в ночных кошмарах. Или все дело в неожиданном поведении ее нового

супруга, которого она считала послушной марионеткой в своих руках? Или это был всего лишь спектакль, блестяще разыгранный ею: прекрасная грешница покоряется воле Господа и встречает свою трагическую участь с достоинством и молитвой? Эта роль потребовала от нее подлинной отваги. Мария сумела обуздать страх смерти и отчаянное желание покончить со своей жизнью, так и не испытав всех ее радостей, только ради того, чтобы стать достойным воплощением гордости и упрямства...

Странное дело — все эти мысли улетучились, как только Мария узнала в приближавшихся к ней галопом двух всадников: Габриэля де Мальвиля, своего бывшего конюшего, тремя годами раньше ставшего мушкетером, и его друга Анри д'Арамиса. Они быстро справились с нападавшими. Разбойников было шестеро или семеро, но что они могли сделать против двух шпаг, обладатели которых считались лучшими во всем королевстве? Правда, и Перан, кучер, растерявшийся поначалу, тоже принял участие в сражении, едва ему удалось избавиться от напавшего на него мерзавца ударом кулака, который свалил бы и быка.

Верная Анна помогла ей подняться, но Мария едва держалась на ногах, когда она благодарила своих спасителей.

— Как вы узнали, что мне грозит опасность? — спросила она.

— Об этом нетрудно было догадаться, — ответил Габриэль. — Смерть молодого Шале настроила против вас всю его родню, а в растревожен-

ном городе слухи разносятся быстро. Мы с господином д'Арамисом попросили у господина де Тревиля отпуск и немедленно его получили. Кстати, мой друг — тоже ваш поклонник!

— Стоит ли говорить об этом? — вздохнул Арамис, приоткрывая в улыбке белоснежные зубы. — Когда речь идет о госпоже де Шеврез, это естественно.

Молодой мушкетер был элегантен, соблазнителен и обладал благородной осанкой. Даже здесь, на пыльной проселочной дороге, его комплимент сразу же воскресил в герцогине не утраченное ею кокетство.

— Значит, вы, мсье, относитесь к числу моих поклонников?

— Разумеется, мадам, я один из самых ревностных!

Мальвилю это не понравилось.

— Мы не в том положении, чтобы обмениваться любезностями! — заметил он.

— Вы сами начали, Габриэль! — со смехом заметила Мария. — И что же мы теперь будем делать?

— Мы будем сопровождать вас до замка Верже. Там вы будете в безопасности под защитой вашего брата принца де Геменэ, которому вас поручает своим указом король. Мы для того и последовали за вами, чтобы вы добрались до замка целой и невредимой. Таким образом, мы выполнили нашу миссию и не ослушались приказа Его Величества!

При этих словах на лице Марии появилась усмешка.

— А я-то надеялась на большее, Мальвиль! Я, конечно, обожаю моего брата и люблю мою невестку, но я совсем не уверена в том, в замке ли они сейчас, да и в их родственных чувствах, ах, тоже. Мой муж, к примеру, оставил меня на полпути к Верже, зная, что я окажусь в западне, из которой едва ли выберусь живой!

— Не вините его, — горячо возразил Габриэль. — Герцог де Шеврез не способен на такую низость! Он ничего не знал о приготовленной ловушке и лишь сдержал данное им слово...

— Кому он дал слово? Королю?

— Разумеется. Ваш супруг явился к королю, чтобы просить за вас, и Его Величество милостиво разрешило вам вернуться из Нанта, но при одном условии: вашему мужу дозволено сопровождать вас только до границ земель Роан-Геменэ, которые станут для вас местом изгнания. Тем самым король дал понять, что место вашего пребывания определено только для вас и это предписание никоим образом не относится к вашему супругу.

— В самом деле? Но скажите мне, откуда это стало известно вам? Мушкетеры ведь не стоят в карауле у королевских покоев...

— ...И даже если бы они там стояли, они не стали бы подслушивать, герцогиня! — воскликнул Габриэль. — Просто наш Арамис любезничает с одной из фрейлин, которая обратила на него внимание и которая проявляет чудеса изобретательности, когда желает удовлетворить свое любопытство.

— Или оказать услугу своим друзьям, — добавил Арамис. — Нет ничего такого, чего бы она

не сделала, чтобы помочь ближнему или просто доставить ему удовольствие.

— В таком случае я благодарю ее и вас, мсье! — сказала Мария.

Она сгорала от желания узнать имя дамы, но воздержалась от расспросов, понимая, что ей его не назовут. Мария решила, что подумает об этом позже, когда окажется в спокойном месте. Кто же эта фрейлина? Может быть, она из свиты королевы-матери и достаточно приближена, чтобы знать о том, что происходит у короля, достаточно красива, чтобы очаровать такого мужчину, как этот Арамис... А таких не может быть много! Но сейчас ее больше занимал другой вопрос — тот, который ей задал Габриэль: если она откажется ехать к брату, то куда она намерена направиться?

— Надо решить, куда же я могу поехать. Посмотрим. Итак, в Дампьер мне дорога закрыта. В Лезиньи тоже — мне запрещено находиться ближе к Парижу, чем на десять лье. По этой же причине я не могу направиться и в замки моего отца в Монбазоне, Кузьере и Рошфоре-ан-Ивлин. Впрочем, отец все равно откажется меня принять. Остается только один выход — уехать за границу, но только не в Англию, насколько я понимаю. Тогда я выберу Лотарингию! Если мне нет места на земле моего отца, то я найду приют на земле моей матери Мадлен де Ленонкур. Да, пожалуй, это наилучшее решение. Готовы ли вы сопровождать меня, господа? — добавила она с одной из тех своих улыбок, в неотразимости которых она не сомневалась.

Арамис бросил взгляд на своего спутника и издал такой вздох, от которого разорвалось бы даже каменное сердце.

— Для меня, сударыня, это было бы бесконечной радостью...

— ...но вам пришлось бы пренебречь своим долгом, а Мальвиль этого не допустит. Успокойтесь, я хотела лишь испытать вас. Просьба сопровождать меня означала бы, что я недооцениваю уже совершенное вами для меня. Но я никогда этого не забуду, потому что отныне я обязана вам жизнью. Что ж, прощайте, мои спасители, и еще раз благодарю!

— «До свидания» было бы куда приятнее услышать, — проговорил Арамис, склоняясь над рукой, которую ему протянула Мария.

— Если бы это зависело от меня, я бы сделала все, чтобы когда-нибудь разделить с вами это удовольствие! Но на все Божья воля!

К немалому изумлению Марии, мушкетер осенил себя крестным знаменем и произнес:

— Да будет свято имя его!

Мальвиль, заметив ее удивление, рассмеялся:

— Не удивляйтесь, мадам. Мой друг Арамис стал мушкетером не по призванию. Как и я, он прельстился престижем, плащом и плюмажем на шляпе. Если бы не это, он бы стал священником.

— Это так, друг мой? — спросила герцогиня.

— Я надеюсь когда-нибудь вернуться в лоно церкви, но пока я отлично себя чувствую среди мушкетеров! Быть мушкетером — это так захватывающе!

— К тому же вам так идет форма! Что ж, тогда скажем друг другу «до свидания»?!

— Это было бы истинным счастьем для меня, герцогиня!

Под насмешливым взглядом Мальвиля Арамис проводил Марию до ее кареты, помог ей сесть и задержал ее руку в своей для поцелуя.

— Поскорее возвращайтесь, мадам, — проговорил он. — Я уже страдаю от разлуки с вами!

Он был таким очаровательным, что Мария на мгновение разделила его сожаления: после стольких испытаний любовная история пошла бы ей на пользу! Габриэль подошел попрощаться.

— Будьте благоразумны, не гоните лошадей! — напутствовал он Марию. — Тот, кто расставил для вас западню, на этом не остановится. Мы сообщим господину герцогу, вашему супругу, о том, что произошло. Но вы должны уехать, и чем дальше, тем лучше. Заклинаю вас, мадам, будьте благоразумны! И будьте осторожны с теми, кто вас окружает!

— Не беспокойтесь! Я буду осмотрительна. Скажите мне только одно: вы знаете, куда поехал мой супруг? Он возвратился в Нант, исполнив волю короля, или...

— Он возвращается в Дампьер, где намерен ожидать решения Его Величества. Король же покинет Нант завтра при любых обстоятельствах. Его путь лежит через Шатобриан, Витре, Лаваль, Ле-Ман, Шартр и Рамбуйе. Путешествие займет не меньше трех недель. Мы должны присоединиться к кортежу по дороге.

— В таком случае я поеду через Париж, чтобы забрать свои драгоценности — они мне могут понадобиться, и сразу же поеду дальше — на восток. Да хранит вас обоих Господь! И еще раз спасибо!

И герцогиня, гордая и преисполненная достоинства, продолжила свой путь. Горячее солнце последних дней августа 1626 года прогрело воздух, наполненный жужжанием пчел и стрекотом кузнечиков. Осы кружились над дорогой в пыли, поднятой копытами лошадей и колесами экипажа.

И вот теперь Мария возвращалась по заснеженным дорогам под низким хмурым небом. Минувшие два года пронеслись как один день. Мария прожила их словно во сне в любимой и гостеприимной Лотарингии.

Здесь, в пределах суверенного герцогства Лотарингского, она вновь испытала чувство приятного удивления: это был совсем другой мир — спокойный и радушный. Суровое очарование Бретани, которую так любила Мария, было полной противоположностью этому приветливому краю. Виноградники сменялись полями пшеницы, и герцогство являло собой картину удивительного благополучия. Воздух был пропитан спелой мирабелью, а в деревнях не было заметных признаков нищеты.

Еще лучше дела обстояли в Нанси, большом и богатом торговом городе, где перед ней распахнулись двери герцогского дворца. Герцог Карл IV и герцогиня Николь приняли ее как

ближайшую родственницу, кем она, собственно, и была. Ее брак с лотарингским герцогом Шверезом из дома Гизов наделял Марию статусом их кузины.

Хотя, говоря по правде, любезность, по крайней мере внешняя, продемонстрированная герцогиней Николь при встрече, очень скоро сменилась неприязнью. И для этого у нее была веская причина: ее супруг не устоял перед чарами новоявленной родственницы, и их безмятежный до появления этой сирены брак едва не дал трещину. Мария, слишком долго не знавшая любви, легко сделала Карла своим любовником.

И получила от этого удовольствие! В двадцать один год герцог, пятью годами младше Марии и четыремя годами младше своей жены, был красивым светловолосым молодым человеком, высоким, худым, но сильным. Его лицо с высокими скулами и крупным носом оживляли яркие голубые глаза. Любезный, словоохотливый, недалекий Карл с радостью откликнулся на предложение своего дяди, герцога Генриха, взять в жены его дочь Николь, получив при этом титул принца-консорта. Но его дядя, а теперь и тесть, не питая иллюзий, заметил: «Увидите, у этого ветреника все пойдет прахом!»

Карл, страстно влюбившийся в Марию, обладал всеми качествами для того, чтобы завоевать ее. А она не только не воспротивилась этому, а напротив, использовала все свои достоинства и очень быстро приобрела большую власть над ним, чем его супруга, правящая герцогиня.

И потекли нескончаемые празднества, турниры, балы, концерты, балеты, комедии и выезды на охоту. «Очень скоро она перессорила весь двор, и именно она нанесла удар по браку герцога Карла и герцогини Николь, так как влюбленный герцог совершенно потерял голову. Он подарил Марии де Шеврез бриллиант своей жены. Мария на следующий же день вернула его герцогине Николь»¹. Гордость не позволила ей принимать украшение той, у которой она отняла мужа. Как бы там ни было, если у несчастной Николь еще были какие-то надежды, то после этого их не осталось. Что же касается Марии, то этот жест говорит о ее бессердечии. Разве не проще было бы не принимать от герцога этот подарок?..

Едва ли не официально возведенная на трон герцогиня де Шеврез наслаждалась этой атмосферой вечного праздника, королевой которого она являлась. Клубы фимиама, пусть и не всегда искреннего, вскружили Марии голову. Его было так приятно вдыхать, но даже теперь она не могла забыть французский королевский двор и то место, которое она некогда занимала при королеве Франции. Она смертельно ненавидела короля Людовика и кардинала Ришелье, и поэтому, уверившись в своей власти над герцогом Лотарингским, Мария де Шеврез поспешила вновь занять свое место в захватывающей политической игре.

От Анны Австрийской, безутешной после отъезда подруги, она получала длинные печаль-

¹ Тальман де Рео. *(Здесь и далее прим. авт.)*

ные письма. Королева-мать всячески избегала ее и не скрывала этого. Кроме того, юная герцогиня Орлеанская была беременна, а королева все еще не родила наследника. В этом был постоянный источник ее тревог, со временем становившихся все сильнее. Супруга герцога Гастона Орлеанского, брата Людовика XIII, родит сына, и тогда Анне Австрийской может угрожать развод! Ей отчаянно не хватало мужества Марии, ее стойкости и решительности, и королева не раз просила Людовика помиловать герцогиню, но, разумеется, всякий раз без малейшего успеха.

Клод де Шеврез, со своей стороны, тоже предпринял робкие попытки добиться прощения для жены. Он просил короля позволить его жене уехать в Овернь или в Бурбоннэ и давал обещание следить там за ней. Смертельная опасность, которой подверглась Мария, и мысль о том, что жена будет считать его причастным к расставленной для нее ловушке, не давали ему покоя. Король, казалось, был готов согласиться на его предложение, и де Шеврез даже отправился в Нанси, чтобы сообщить Марии эту новость и заключить с ней перемирие. Он был милостиво принят, как и его предложение мира. Для его красавицы жены это был удачный повод вернуть себе власть над любящим мужем. Мария раскрыла ему свои объятия и пустила в свою постель, чтобы закрепить примирение. Клод де Шеврез был в пылу страсти. Он так давно был разлучен со своей обольстительной женой, что мгновенно снова попал под ее власть. Но когда супруг